

РОССИЯ ВЫСТОИТ!

Он утверждает, что все юмористы и сатирики в России — Михаилы: Зощенко, Булгаков, Жванецкий... Но, встретившись со мною после третьего за день концерта и полубессонной ночи в поезде из Риги, где живет его отец, Михаил Задорнов выглядел раздраженным. Поэтому пришлось начать с серьезного вопроса:

— Михаил Николаевич, в свое время ни Зощенко, ни Аверченко, ни Тэффи не читали с эстрады свои рассказы. Нынешние же писатели-сатирики, отеснив артистов, дружно вышли на сцену. Вы не находите в этом...

— Не нахожу. Кстати, Михаил Зощенко читал публично собственные рассказы. Тэффи — нет. Но она писала в той литературной манере, которая не удобна для эстрады. Письменные и устные рассказы — совершенно разные вещи.

— И все-таки нет ли чего-то противоестественного в радостном, дружном смехе зала над ужасами нашей жизни? Некоторые, я знаю, такое коробит.

— Смех коробит? Но смех — естественная реакция людей, которые хотят как-то выжить. Некоторые люди, между прочим, присылают мне записки: у них проходит головная боль на концертах, когда они сильно смеются. Что тут плохого? Раз мы умеем смеяться над собой — значит, еще не все потеряно.

— Вы всерьез верите в хорошее? Крупам на зиму не запаслись?

— Крупам? Пустил на само-тек. Но и в хорошее в данный момент тоже не верю. Сегодня оно еще нереально. Общество, говорят, обновляется через семь поколений. Коли будем смеяться — вдруг обновится раньше...

— А во что вы верите? В судьбу? В астрологов? В меди-таций?

— Ну, это исключается. В вакханалию мистики я не верю. Не признаю примет, не плюю через левое плечо, не стучу по дереву... Считаю, что только слабые люди верят во всю эту чепуху. Я знал в Москонцерте артистов, которые читали мои рассказы. Если текст во время репетиции падал на пол — сажались на него, дабы потом он имел успех. Стучали по дереву. Но я понимаю одно: дан им хороший текст — зал будет смеяться, падал листок до того на пол или нет. И потом, мне кажется, что подобные увлечения возникают от лоботрясничества — страна же в принципе не работает...

Вот я перестал верить в «кно-вых» людей, которые называют себя демократами. Они оправдываются: им мешают комму-нисты... Однако демократы сами мало что умеют. Не все, конечно. Но... Еду недавно на машине. Спаздываю на концерт. А тут перекрыта улица — митинг. Почему митингуют, что хотят — абсолютно не понятно. Вынуж-денно разговариваю с одним: «Вы кем работаете?» — «Ин-женером». Слово за слово — по лицу его, по разговору ви-жу, что он делать ничего не умеет и не хочет. В той же Германии был безработным. Но всем ведь кажется, что при-ином строе они наконец-то за-живут припеваючи. А это, иной — жесткий строй. Надо уметь прежде всего работать... Да нет, куда там, — все бастуют, кричат, объясняют, как долж-но быть и как не должно. Я, говоря на эту тему со сцены, рассказал, что в Казани сожгли в каком-то обществе портрет Ивана Грозного за то, что он присоединил Казань к России. Боже мой, Ивану Грозному мстить, рассуждая о демокра-тии...

Я уж не говорю о том, что демократия — в сущности не самое лучшее устройство обще-ства. Мы просто выучили это слово, окутанное розовым фле-ром. А демократия — это когда большинство подчиняет себе меньшинство и затем, укрепив-шись во власти, диктует свои законы. Сейчас это происходит,

между прочим, в Прибалтике. Как бы прибалты ни твердили, что у них нет национализма и царит равноправие наций, все, считаю, не так. Объясните мне, почему русский солдат был оккупантом? Оккупантом был строй, который существовал. Я могу привести достаточно примеров, как латыши рас-стреливали русских, русские — латышей. Режим так все пе-ремешал, так поделил гра-ницы, что разобраться, кто прав, кто виноват, невозможно. Но всезнающим умникам некогда думать — они спешно переиме-новывают улицы и голосами, простуженными от постоянных уличных митингов, кричат об от-делении. Конечно, от России все теперь хотят отделиться, как от нищего, убогого человека. Одна-ко я убежден: Россия выживет. Что же теперь — Россия сама должна отделяться, и гори все сизым огнем? А как же те русские, ко-торые очутились в этих и других республиках? Очутились отнюдь не по собственной воле. И как не стыдно сейчас обвинять и отме-нять праздник 9 Мая? Я согла-сен, что 7 Ноября можно назвать иначе... Хотя здесь тоже спор-ный вопрос. У многих жизнь прошла под знаком этого празд-ника. А им хотя бы сказать, что жизнь была случайным облачком. Получается, представители на-родных фронтов борются против стариков. Но это же самое легкое.

— Ну, а возьмите знание языка республики. Ведь, согла-ситесь, первое, что делают люди, уезжая в Америку, Изра-иль, — начинают изучать язык. Русский же человек, живущий в л-бой национальной республи-ке, почти не знает языка, на котором говорит местное насе-ление. Это разве не оскорбитель-но?

— Вопрос языка — вопрос культуры. Ее поднимать надо всем вместе и не разводить с безграмотной поспешностью в разные стороны культуры на-ций. Как, скажите, отделить Райниса от Толстого? Гон-чаров жил в Риге... Сколько русских архитекторов построили в Прибалтике заме-чательные дома. Что же, теперь устраивать второй 17-й год, когда мы хотели перечер-кнуть русскую классику? Все это — невежество...

Знаете, существует такое по-нятие — ментальность. Я это слово не люблю — слишком бю-рократическое. Но оно принято во всем мире. Так вот, менталь-ность советского человека в том, что «я один прав — и больше никто». И потому он не слуша-ет мнения другого. И так назы-ваемые наши «новые» люди та-кие же. Они, как борясь против сталинщины, поступают испы-танными сталинскими методами, но в несколько другом пригото-влении. Каждый день они издают законы, унижающие русских в Прибалтике. Один день — чтобы военные не голосовали. Второй день — о таможене...

Смешно: какая таможен-между Латвии и Россией? Двадцать четыре таможенника шарят по пассажирским поездам. Отобра-ли десять коробок конфет и че-тыре пары носков... Получают за это хорошие зарплаты. Понимае-те, на что уходит государствен-ные средства? На табачные, на свежие таблички... Безусловно, улицы надо переименовывать. Глупо, когда проспект зовется: «Имени диктатуры пролетариата». Нелепо, когда на площади имени Ленина — завод имени Ленина. Но не в этом первооче-редные задачи. А первоочеред-ных задач никто решить не мо-

жет. Представьте: начали вдруг гордиться тем, что воевали во время войны на стороне фаши-стов. Что тут, как не бескуль-турье? У каждой нации оно про-является по-своему...

— Актуальна ли, как вы ду-маете, сегодня мысль польско-го сатирика Ежи Леца: «Иметь бы столько слушателей, сколько подслушивающих?»

— Теперь нет. Подслушивать некого. И нечем. Все устройства испортились. Все развалилось. Рыночная экономика. Куртка стоит 1300 рублей. А оклады подняли до 300. То есть може-те купить карман с пуговицей. Или в аванс получить молнию с одной штаниной от джинсов.

— Парадокс, но и в нашей неустроенной жизни кому-то живется вполне нормально. А как вам?

— Мне грех жаловаться. Я проживу. «Питают» меня наши жизнеутверждающие, неискоре-нимые лозунги. Такие, например, как в Севастополе: «Севастопо-ль, будь-те внимательны — среди нас ветераны». Эти шеде-ры коллекционирую. В лесу про-читал: «Руки прочь от Вьетнама». В Норильске был плакат: «Пост-роим город по воле партии рука-ми народа». Новые есть замеча-тельные: «Наша пятилетка — нам и выполнять», «За социа-лизм с человеческим лицом»... Думаешь: любопытно, их авторы читали ли Пушкина, Толстого, Булгакова?.. Они знают, кажется, только изуродованный рус-ский. Поэтому и не чувствуют себя смешными. «Привет освобо-дителям Харькова от немецко-фашистских захватчиков». Какая фантазия — да?

— Значит ли это, что сатири-ческие рассказы можно уже писать в трамвае на колесике между двумя остановками?

— Лично я с жанром расска-за, наверное, скоро закончу. Что хотел — я сказал. Большего не скажу. Сейчас написал для Ма-лого театра инсценировку «Тара-са Бульбы». Вероятно, в конце сезона ее поставят. Театр меня привлекает гораздо больше.

— Отныне будете заниматься пьесами?

— Посмотрим. Планов конкре-тных нет. Я — не социалистиче-ское общество. Это оно точно знает, сколько будет стоить бу-лочка с изюмом в 1996 году.

— Вы член партии?

— Нет. И теперь передо мной не стоит лицемерная задача — подавать заявление о выходе или... Был я в свое время ре-жиссером самодеятельности в авиационном институте. Помни-те тогдашнюю славную тради-цию — ставить повсюду «Малую землю»? Меня убеждали ее по-ставить. Тем более коллектив был лауреатом премии Ленин-ского комсомола. Но я тянул, тянул... До тех пор, пока... Те-перь встречаю бывших «началь-ников»: «Вам не стыдно, что предлагали «Малую землю»? Улыбаются... Наш человек бы-стро перестраивается. Скажи сей-час иному, что с перестройкой покончено, он отпаркует: «По-кончено». Скажи: «Развитая пе-рестройка» — будет развитая. Да что скажешь, то и будет, хоть «начальная стадия послед-ней фазы заключительной стадии развитой перестройки»...

— А новые партии не манят?

— Нисколько. Я не политик. Каждый должен заниматься своим делом.

— Бросьте взгляд на исто-рию России. Не хотелось бы жить в каком-то другом ее пе-риоде?

— В прошлом веке. Но только не родиться крепостным крестья-нином.

— Выходит — сразу после 1861 года?

— Да. А то в память засел грустный рисунок из школьного учебника — стоит несчастный мужик в одном лапте на кусочке земли... Этого не хочется. А в принципе в прошлом веке было интересно. Благородство уважа-ли. Но боюсь, что меня на дуэ-ли застрелили бы. За любовь к сатире...

Нина ТАРАХН.